
2022
18+

Максим Кулагин

Мобилизованный

«Автор»
2026

Кулагин М.

Мобилизованный / М. Кулагин — «Автор», 2026

«Обычный парень, чья жизнь шла по привычному маршруту, внезапно оказывается в эпицентре событий: мобилизация перечёркивает все планы и бросает Максима Кулагина в суровую реальность. На полигоне и в зоне боевых задач он учится выживать, держать удар и не терять себя среди хаоса. Каждая глава — это шаг от растерянности к ответственности, от страха к твёрдому решению стоять до конца. История о том, как в экстремальных условиях раскрывается настоящий характер».

© Кулагин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Максим Кулагин
Мобилизованный

Глава 1

Повестка.

Утро выдалось серым и липким, будто город не хотел просыпаться. Максим Кулагин стоял у окна своей однокомнатной квартиры на пятом этаже панельной девятиэтажки и смотрел, как по стеклу сползают тяжёлые капли дождя. За стеклом мир казался размытым, нереальным — как кадр из старого фильма, где звук немного отстаёт от картинки.

На кухонном столе остывал недопитый кофе, рядом лежала повестка. Она появилась в почтовом ящике вчера вечером, когда Максим уже собирался лечь спать. Обычный конверт, без марок, с печатью и строгим шрифтом. Он вскрыл его машинально, будто это касалось кого-то другого. А потом долго сидел на кухне, перечитывая строчки, в которых его жизнь делилась на «до» и «после».

«Явиться для уточнения данных…» — фраза звучала почти безобидно, но Максим понимал: это не уточнение. Это точка невозврата.

Он вспомнил, как ещё месяц назад спорил с другом в мессенджере: «Ну вот зачем всё это? Я обычный парень, не спецназовец, не герой. Работаю на складе, по выходным чиню старый мотоцикл, летом езжу к тёте в деревню…» Друг тогда ответил коротко: «А кто, если не мы?» Максим тогда только хмыкнул и закрыл чат.

Теперь эти слова звенели в голове, как набат.

В коридоре скрипнула половица — это кошка Муся, серая и пушистая, как старый плед, тёрлась о ножку шкафа. Она всегда чувствовала настроение Максима: в тревожные дни пряталась под диван, а сегодня вышла, будто хотела напомнить, что он не один. Максим наклонился, погладил её между ушей.

— Ну что, Мусь, — тихо сказал он, — похоже, мне придётся уехать.

Кошка мяукнула, будто не поняла, но прижалась к его руке крепче обычного.

Максим вернулся к окну. Дождь не стихал. По двору бежали ручьи, смывая остатки осени — пожухлые листья, обрывки афиш, старые квитанции. Всё ненужное утекало в ливнёвку, оставляя после себя сырую, голую реальность.

Он достал телефон, пролистал контакты. Хотел написать маме, но пальцы замерли над экраном. Что сказать? «Всё в порядке»? Ложь. «Я уезжаю»? Слишком резко. В итоге он отправил короткое: «Мам, я в порядке. Не переживай, ладно?» И тут же пожалел, что написал «не переживай» — ведь именно это и заставляло переживать сильнее.

Потом он открыл чат с Леной. Они встречались полгода, но так и не успели сказать друг другу что-то важное. Последнее сообщение от неё было вчера: «Ты сегодня свободен? Можем сходить в кино». Максим не ответил. Теперь слова «сегодня» и «завтра» казались ему хрупкими, как стекло. Он набрал: «Лен, тут такое дело… Мне надо уехать. Не знаю, на сколько. Прости, что так внезапно». Отправил и тут же выключил уведомления. Не хотел видеть реакцию сразу. Боялся, что не выдержит.

В комнате стало тихо. Только дождь стучал по подоконнику, да Муся мурлыкала где-то рядом. Максим подошёл к шкафу, открыл дверцу. На верхней полке лежала старая спортивная сумка — ещё с тех времён, когда он ездил на соревнования по лёгкой атлетике в школе. Он достал её, стёр пыль рукавом. Сумка пахла прошлым: ванилью от маминых духов (она когда-то хранила в ней платок) и чем-то терпким, забытым.

Он начал складывать вещи: бельё, носки, свитер, который Лена подарила на день рождения. Подумал и положил фотографию: он, отец и дед на рыбалке. Отец умер пять лет назад, дед — ещё раньше, но их улыбки по-прежнему грели. Максим сунул фото в карман куртки, чтобы не помялось.

Когда сумка была собрана, он огляделся. Квартира казалась чужой, будто он был здесь гостем, а не хозяином. На стене висел календарь с котятами — его выбирала Муся, прыгая на стол, когда Максим только въехал сюда. На полке стояли книги, которые он так и не дочитал. На холодильнике — магнит из Крыма, сувенир с отпуска, который казался теперь чем-то из другой жизни.

«Ничего, вернусь — дочитаю», — подумал Максим, но голос в голове тут же возразил: «А если не вернёшься?»

Он не стал спорить. Просто застегнул молнию на сумке, взял ключи и посмотрел на Мусю.

— Присмотришь за квартирой, ладно? — сказал он, хотя знал, что это глупо. Но кошке, кажется, было важно услышать его голос.

Дверь захлопнулась с тяжёлым щелчком. Лифт ехал вниз целую вечность. Максим смотрел на цифры этажей, будто они могли что-то значить. На первом этаже пахло сыростью и кофе из соседней пекарни. Он вышел на улицу, и дождь тут же ударил в лицо, смывая последние остатки спокойствия.

Автобус подошёл через пять минут. Максим сел у окна, прижал сумку к себе, как щит. Город плыл за стеклом: серые дома, мокрые остановки, редкие прохожие в капюшонах. Всё было таким же, как вчера, и всё стало другим.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить что-то хорошее: запах свежего хлеба, смех Лены, тихий вечер у тёти в деревне, когда небо было огромным и чистым. Но вместо этого в голове крутилась одна фраза: «Явиться для уточнения данных…»

И Максим понял: уточнения не будет. Будет только путь.

Глава 2

Сборный пункт.

Автобус трясло на разбитой дороге, и Максим то и дело ударялся плечом о жёсткое пластиковое сиденье. За окном тянулись серые панельные дома, потом пошли гаражи, пустыри, а дальше — забор с колючей проволокой и КПП, у которого стояли несколько человек в форме.

«Вот и приехали», — подумал Максим, чувствуя, как внутри всё сжимается. Ещё вчера он сидел на кухне, пил остывший чай и пытался убедить жену, что всё будет нормально. А сегодня — автобус, форма, чужие лица и ощущение, будто жизнь резко переключилась на другую передачу, где всё слишком громко, слишком быстро и слишком непонятно.

Когда автобус остановился, двери с шипением открылись, и внутрь заглянул старший сержант с блокнотом в руках:

— Выходим по одному, не толпимся. Документы на проверку.

Максим вышел последним. Холодный ветер тут же пробрался под куртку, и он невольно поёжился. Вокруг суетились люди: кто-то нервно курил в стороне, кто-то громко спорил с кем-то из командиров, кто-то просто стоял, уставившись в одну точку, будто пытался удержать в голове всё, что успело произойти за последние сутки.

Сержант пробежался глазами по списку, нашёл фамилию Кулагина, поставил галочку и махнул рукой в сторону здания:

— Туда. Внутри всё расскажут.

Внутри пахло старой краской и дезинфекцией. Длинный коридор, тусклые лампы, двери с номерами. У одной из дверей стоял капитан, спокойный, собранный, с таким видом, будто он видел всё это уже сотню раз и точно знал, что делать дальше.

— Кулагин? — спросил он, едва Максим подошёл.

— Так точно, — машинально ответил Максим, хотя никогда не служил и эти слова дались ему непривычно.

Капитан кивнул, будто это было именно то, что он ожидал услышать.

— Сейчас получишь экипировку, потом — распределение. Времени на раскачку нет. Вопросы есть?Я хотел спросить сразу всё: когда их отправят, куда, сколько это продлится, как там будет, но слова застряли в горле. Вместо этого он выдавил:

— А… можно позвонить? Хотя бы на пять минут.

Капитан чуть нахмурился, но не зло, скорее устало.

— Пока нельзя. Позже, когда всё оформим. Здесь связь не везде работает, да и не положено.

Я кивнул, хотя внутри всё протестовало против этого «не положено». Ему хотелось услышать голос мамы, услышать, что дома всё в порядке, что сестрёнка не плачет, что кто-то там, по ту сторону этих стен, ждёт его и верит, что он вернётся.

В комнате выдачи экипировки было шумно. Здесь пахло новой тканью и резиной. Мне выдали комплект формы, ботинки, разгрузку, каску, бронежилет — всё это казалось тяжёлым и чужим. Я пытался запомнить, как что застёгивается, как крепится, но пальцы не слушались, будто стали непослушными от напряжения.

Рядом стоял парень лет двадцати пяти, с бледным лицом и слишком внимательными глазами. Он помог Максиму застегнуть одну из пряжек и тихо сказал:

— Не переживай. Сначала всё кажется сложным. Потом привыкаешь. Ну, или просто перестаёшь замечать.

Максим хотел что-то ответить, но в этот момент в комнату вошёл лейтенант и громко скомандовал:

— Внимание! Сейчас построимся, пройдём инструктаж, потом — распределение по подразделениям. Слушаем внимательно. От этого зависит ваша жизнь и жизнь тех, кто будет рядом.

Люди в комнате притихли. Даже те, кто до этого переговаривался вполголоса, теперь стояли ровнее, будто сами собой подтянулись.

Максим встал в строй, чувствуя, как тяжесть экипировки давит на плечи не только физически. Это был не просто вес бронежилета — это был вес ответственности, которая вдруг легла на него без предупреждения, без подготовки, без возможности отложить на потом.

Лейтенант говорил чётко, без лишних слов: про порядок действий, про связь, про то, как важно держаться вместе и слушать приказы. Максим ловил каждое слово, стараясь не упустить ни одной детали, потому что понимал: здесь ошибки стоят слишком дорого.

После инструктажа их повели к другому зданию, где уже ждали командиры подразделений. Там каждый из мобилизованных на несколько секунд встречался взглядом с незнакомым офицером, слышал короткую фразу: «Ты — с нами» или «Следуй за мной», и тут же уходил в новую, пока ещё непонятную жизнь.

Когда подошла очередь Максима, майор, который его осматривал, задержал взгляд чуть дольше обычного.

— Кулагин. Почтальон? — он посмотрел в папку.

— Да. Три года проработал. Письма,посылки, пенсии.Этим я занимался на почте.

Майор хмыкнул, будто это оказалось кстати.А срочную служил стрелком?. Так точно ответил я.

— Хорошо. Нам нужны стрелки. Будешь командиром штурмового отделения. Есть, чётко и по армейски ответил я.

Максим почувствовал странное облегчение. В пехоту, на самый передок с автоматом наперевес,туда, где будет очень трудно и жарко.Где его навыки могут пригодиться.

— Есть вопросы? — спросил майор.

— Только один. Когда мы сможем связаться с родными?

Майор чуть помолчал, потом ответил уже не как командир, а как человек, который сам когда-то стоял на этом месте:

— Как только будет возможность. Обещать не могу, но постараемся. Держи себя в руках. Здесь это самое важное.

Максим снова кивнул. Слова не шли, но внутри что-то щёлкнуло — будто он наконец принял эту новую реальность, пусть и не до конца, пусть и с дрожью в пальцах.

Его провели к палаточному лагерю, где уже стояли другие мобилизованные, и показали место на нарах. Рядом положили вещмешок, в который он успел положить только самое необходимое.

Ночь опускалась быстро. В палатке было шумно: кто-то тихо молился, кто-то пытался шутить, чтобы не сойти с ума от тишины, кто-то просто сидел, уставившись в темноту. Максим лежал, глядя в потолок палатки, и думал о том, что завтра всё станет ещё серьёзнее. Что завтра начнётся настоящая работа. И что где-то далеко его ждут.

Глава 3

Полигон.

Серый рассвет лёг на полигон, будто накинул на него пыльную простыню. Воздух был сырой, пах мокрой травой и железом. Я стоял в строю вместе с остальными, чувствуя, как утренний холод пробирается под форму, а внутри всё равно гудит какое-то странное напряжение — будто тело помнит то, о чём голова старается не думать.

Инструктор, коренастый мужчина с резким голосом и взглядом, который, казалось, видел насквозь, ходил вдоль шеренги, не торопясь, будто давал каждому прочувствовать этот момент.

— Здесь не про героизм, — рявкнул он наконец, остановившись напротив меня — Здесь про то, чтобы выжить. И чтобы те, кто рядом, тоже выжили. Если кто-то думает, что это просто учения, — ошибается. Здесь учат делать правильно, пока ещё можно ошибиться.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и простые. Тут я сжал кулаки, пряча дрожь в пальцах. Мне вспомнилось стрельбище из армии, но тогда всё казалось далёким и каким-то игрушечным. Сейчас каждое движение, каждый щелчок затвора отзывались в груди чем-то острым и настоящим.

Первая часть дня ушла на снаряжение: подгонка бронежилета, проверка магазинов, укладка аптечки. Всё нужно было делать быстро, но без суеты. Инструктор ходил между бойцами, поправлял, ругал, заставлял переделывать.

— Аптечка должна быть там, где ты её достанешь левой рукой, даже если правая не работает, — повторял он, дёргая за клапан кармана. — Понял?

Я кивал, чувствуя, как от напряжения на виске выступает капля пота. Он старался запомнить каждое слово, каждую мелочь, будто от этого зависела не просто оценка, а что-то гораздо большее.

Потом была стрельба. Я встал на рубеж, привычно приложил приклад к плечу, но мир вдруг сузился до прицела, мишени и тишины, которая наступала между выстрелами. Первые пули ушли мимо, слишком резко, слишком нервно. Инструктор подошёл, молча поправил локоть, чуть сдвинул корпус.

— Дыши, — коротко бросил он. — Не торопись. Ты не на скорость. Ты на точность.

Максим выдохнул, задержал дыхание на секунду и снова нажал на спуск. На этот раз пуля легла ближе к центру. Ещё раз. Ещё. Постепенно ритм выстрелов стал ровным, почти спокойным. Но спокойствие это было обманчивым — оно держалось на предельной собранности, на том, что каждая ошибка здесь имела вес.

После стрельб перешли к тактике. Их разделили на группы, поставили задачу: выдвижение, занятие рубежа, отход. Земля была скользкой, ботинки цеплялись за корни и комья глины. Максим шёл в середине группы, стараясь держать дистанцию, следить за флангами, слушать команды. В какой-то момент он заметил, как один из бойцов чуть отстал, и, не раздумывая, притормозил, подал знак. Тот кивнул, подтянулся. Этот молчаливый обмен взглядами вдруг показался мне важнее любых слов.

День тянулся долго, будто время растянулось, как резина. К вечеру мышцы ныли, в горле пересохло, а в голове гудело от команд, щелчков, шагов и ветра. Но вместе с усталостью приходило и другое чувство — какая-то странная уверенность. Не бравада, не самоуверенность, а понимание: он снова учится быть тем, кем когда-то был. Или тем, кем должен стать.

Когда строй наконец распустили, Я отошёл в сторону, сел на бревно у края площадки и посмотрел на горизонт, где солнце уже садилось, окрашивая небо в тускло-оранжевые тона. Рядом опустился один из парней из его группы — тот самый, который чуть не отстал днём.

— Тяжело, — проговорил парень, вытирая лицо рукавом. — Но вроде начинает получаться.

Максим кивнул.

— Главное, чтобы получалось не только здесь, — тихо ответил он.

И в этот момент он вдруг понял, что полигон — это не просто место, где учат стрелять и бегать. Это место, где заново учатся быть командой. Где страх становится чем-то, с чем можно работать, а не бежать от него.

Где-то вдалеке хлопнул выстрел — кто-то на другом рубеже достреливал последние патроны. Звук эхом прокатился по полю и затих. Я поднялся, потянулся, чувствуя, как тело отзывается на каждое движение. Завтра будет новый день. И новые задачи. А пока нужно просто дойти до палатки, налить кружку горячего чая и дать себе минуту тишины.

Глава 4

Тренировки.

Автобус, который вез их из сборного пункта, давно растворился в серой дымке раннего утра. Теперь вокруг был только лес, редкий и угрюмый, будто специально посаженный, чтобы скрывать неприглядную правду: здесь не бывает красивых рассветов. Здесь рассветы пахнут мокрым железом и тревожным ожиданием.

Максим шёл в середине колонны, стараясь не смотреть по сторонам слишком пристально. Он уже понял: если начнёшь выискивать опасность в каждом шорохе, она обязательно найдётся. А пока нужно просто идти. Слушать ритм шагов, чувствовать, как тяжесть бронежилета понемногу становится привычной, как будто это не железо, а часть его самого.

Рядом шагал Сергей — тот самый парень из их подъезда, который раньше вечно здоровался на бегу, вечно опаздывал, вечно что-то жевал на ходу. Теперь он не жевал. И не опаздывал. И даже не улыбался.

— Ты как? — тихо бросил Сергей, не поворачивая головы.

Максим пожал плечами. Получился неловкий, дёрганый жест, будто бронежилет мешал даже этому простому движению.

— Нормально, — сказал он, хотя сам не верил в это слово. Оно звучало здесь как чужая шутка.

Сергей хмыкнул, будто понял, что «нормально» — это просто способ не рассыпаться на ходу.

Их привели на временный рубеж — не то учебный, не то уже боевой. Палатки стояли криво, будто их ставили впопыхах, а между ними тянулись узкие тропинки, протоптанные десятками чужих ног. Где-то рядом глухо стучал дизель-генератор, и этот звук смешивался с далёким, почти неразличимым гулом, который никто не хотел называть по имени.

Командир, невысокий и жилистый, с лицом, будто высеченным из старого камня, собрал их в полукруг. Говорил он коротко, без лишних слов, и от этого каждое его предложение казалось тяжелее предыдущего.

— Здесь вы не туристы, — сказал он, обводя взглядом лица, в которых ещё читалась надежда на то, что всё это какая-то ошибка. — Здесь вы либо учитесь быть солдатами, либо узнаёте, почему не стоило сюда приходить. Времени на раскачку нет. Сегодня — тактика. Завтра — практика. Послезавтра — реальность. Вопросы?

Вопросов не было. Только тишина, в которой слышалось, как у кого-то нервно щёлкает пряжка ремня.

Первые часы на рубеже превратились в бесконечную череду команд, движений, попыток запомнить, как правильно падать, как правильно вставать, как правильно не мешать тем, кто знает чуть больше. Максим ловил себя на том, что запоминает не столько инструкции, сколько интонации: вот так говорят, когда всё серьёзно, вот так — когда ещё можно надеяться на ошибку.

К полудню небо затянуло плотными тучами, и дождь пошёл не сразу, а как-то исподволь, будто проверяя, готовы ли они к настоящей непогоде. Капли падали на каски, стекали по бронежилетам, пробирались под одежду, и в какой-то момент Максим понял, что холод — это не про погоду. Холод был внутри, в том месте, где раньше жила уверенность, что он всегда успеет всё исправить.

После короткого перерыва, который даже обедом назвать было сложно, их снова вывели на участок, где земля была рыхлой и предательски скользкой. Здесь отрабатывали взаимодействие в двойках и тройках. Максим оказался в паре с Сергеем. Они не договаривались об этом — просто так вышло, и в этом «просто так» было что-то успокаивающее.

— Держи дистанцию, но не теряй из виду, — повторял инструктор, проходя мимо и поправляя кому-то ремень. — Если он упадёт, ты должен знать, где он упал. Если ты упадёшь, он должен знать, где ты. Это не про героизм. Это про то, чтобы вернуться.

Слова звучали просто, но в них была тяжесть, которую Максим раньше не замечал в обычной речи. Здесь каждое слово имело вес. Здесь нельзя было сказать «я попробую» — можно было только «я сделаю».

Когда солнце окончательно скрылось за тучами и день стал неотличим от вечера, их наконец отпустили в палатку. Внутри пахло сыростью, старым синтепоном и чужим напряжением. Максим сел на раскладушку, чувствуя, как каждая мышца кричит от усталости, которую он раньше и за усталость-то не считал.

Сергей сел рядом, стянул перчатки и посмотрел на свои руки так, будто видел их впервые.

— Знаешь, что самое странное? — спросил он, не глядя на Максима. — Я всё время думаю про свой балкон. Там у меня стоял ящик с инструментами. Старый, ржавый, я его всё собирался выбросить… А теперь думаю: вот бы сейчас туда вернуться. Просто взять молоток и что-нибудь починить.

Максим не сразу нашёлся, что ответить. Но потом кивнул.

— Я про кухню думал, — признался он. — Про то, как мама всегда говорила, что в доме должно быть тепло. Не от батарей, а от того, что кто-то ждёт.

Они помолчали. В этой тишине не было неловкости. В ней было что-то похожее на правду — ту самую, которую не пишут в учебниках и не произносят на плацу.

Где-то снаружи снова поднялся ветер, и палатка отозвалась тонким, жалобным треском. Я посмотрел на часы. Стрелки двигались так медленно, будто сами не верили, что этот день когда-нибудь закончится.

Но он закончится. Обязательно. А завтра начнётся новый. И в нём снова будут команды, шаги, взгляды, которые говорят больше слов. И где-то между всеми этими вещами я должен буду найти того себя, который сможет не просто выживать, а держаться за то, ради чего стоит возвращаться.

Глава 5

Позывной.

Полигон жил по своим законам — жёстким, выверенным до секунды. Здесь не было места лишним словам, а каждый звук будто становился громче от тишины между командами. Максим стоял в строю вместе с остальными, чувствуя, как холодный ветер пробирается под форму, и старался не думать о том, что ещё недавно его жизнь измерялась совсем другими ритмами: утренним кофе, звонками, привычными маршрутами. Теперь мерилом стали команды, шаги, секунды на снаряжение.

Инструктор, плотный мужчина с лицом, будто высеченным из камня, медленно шёл вдоль строя. Его взгляд скользил по лицам, будто он считывал не только готовность, но и что-то большее — слабину, страх, упрямство. Остановился напротив меня.

— Кулагин? — голос прозвучал ровно, без интонаций.

— Так точно, — Максим чуть подался вперёд, стараясь держаться прямо.

Инструктор хмыкнул, будто что-то для себя решил.

— Фамилия у тебя громкая. А в бою громкое имя — это лишний шум. Тебе нужен позывной.

Максим на мгновение замер. Позывной. Это звучало как метка, как новая точка отсчёта. Он не знал, что ответить, поэтому просто кивнул.

— Есть у тебя что-то своё? Что цепляет, — инструктор чуть прищурился. — Или пусть я сам придумаю. Но лучше, когда своё.

Я задумался. В голове проносились обрывки мыслей, старые шутки, прозвища из детства, но ничего не подходило. И вдруг всплыло: в детстве отец называл его «Вихрь», когда Максим носился по двору, сметая на своём пути всё, что попадалось. Тогда это казалось просто шуткой, но сейчас в этом слове слышалось что-то правильное — скорость, напор, движение вперёд, даже если вокруг хаос.

— Вихрь, — тихо, но твёрдо сказал я.

Инструктор задержал на нём взгляд ещё на пару секунд, потом едва заметно кивнул.

— Ладно. Пусть будет Вихрь. Запомни: теперь это не просто слово. Это то, кем ты становишься здесь.

В строю кто-то тихо хмыкнул, кто-то переглянулся, но я не смотрел по сторонам. Я чувствовал, как внутри что-то щёлкнуло, будто замкнулась цепь. «Вихрь» — теперь это было не воспоминание, а обязанность.

Дальше день понёсся в привычном ритме полигона: отработка действий в группе, короткие перебежки, команды, которые нужно было выполнять быстрее, чем успеваешь их осознать. Но теперь, когда инструктор выкрикивал позывные, «Вихрь» отзывался не только ушами, но и всем телом.

К вечеру, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в багровые тона, группа собралась на краткий разбор. Инструктор стоял перед ними, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на одобрение.

— Сегодня было тяжело. Но вы начали становиться командой. Запомните: в бою нет фамилий. Есть позывные и есть доверие. Если не доверяете тем, кто рядом, — не выживете.

Он обвёл взглядом строй, будто хотел убедиться, что каждый услышал.

— Вихрь, — снова прозвучало имя Максима, и он шагнул вперёд, как будто уже знал, что от него ждут. — Ты сегодня держался. Но скорость без головы — это риск. Держи темп, но смотри по сторонам.

Я кивнул, чувствуя, как внутри разливается странное тепло — не от похвалы, а от понимания, что он на верном пути. Пусть пока это был только полигон, только учения, только первые шаги. Но он уже не был просто мобилизованным Максимом Кулагиным. Он был Вихрем.

И этого было достаточно, чтобы двигаться дальше.

Глава 6

Дорога на рубеж.

Автобус трясло на разбитой грунтовке, "Вихрь"прижимал к груди вещмешок, будто тот мог удержать равновесие. За окном тянулись серые поля, будто выцветшие от ветра и времени. В салоне пахло пылью, железом и чужим напряжением — каждый в этом автобусе ехал не по своей воле, но теперь все они были связаны одной дорогой.

Рядом сидел парень лет двадцати пяти, с короткой стрижкой и взглядом, который старался ни на чём не задерживаться. Его звали Игорь. Ещё в части, на построении, он первым подошёл к Максиму:

— Ты в гражданке долго был? — спросил он тогда, будто это что-то решало.

— Долго, — коротко ответил "Вихрь".

— Значит, знаешь, как жить спокойно. Расскажи потом, как это делается.

Максим тогда только усмехнулся. Спокойствие теперь казалось чем-то из прошлой жизни.

Сейчас Игорь теребил край куртки, не глядя на " Вихря", и вдруг тихо произнёс:

— Говорят, там, куда мы едем, связь пропадает. Совсем. Ни звонков, ни сообщений.Я кивнул, уже слышал это от сержанта на инструктаже: «Там другая реальность. Телефон — лишняя тяжесть. Держите голову ясной».

— Главное, — сказал "Вихрь", сам не зная, кому эти слова нужнее — Игорю или ему самому, — не терять себя в этой реальности. Остальное приложится.

Игорь коротко глянул на него, будто искал в этих словах опору, и снова уставился в окно.

Когда автобус наконец остановился, перед ними открылась картина, от которой внутри всё сжалось. Поле, изрытое колеями, несколько палаток, накрытых маскировочной сетью, и фигуры в камуфляже, двигавшиеся быстро и привычно, как люди, давно привыкшие к тому, что время — это ресурс, который нельзя тратить впустую.

К автобусу подошёл офицер — высокий, с усталыми, но внимательными глазами. Он не кричал, не торопил, но каждое его движение говорило о том, что здесь нет места сомнениям.

— Выгружаемся быстро, — спокойно произнёс он, когда дверь распахнулась. — Вещи оставить у палатки номер три. Через десять минут построение у блиндажа. Вопросы?

Вопросов не было. Только тишина, в которой слышалось тяжёлое дыхание людей, пытающихся осознать, что момент, о котором они старались не думать, наконец наступил.

Я первым шагнул на землю. Холодный ветер ударил в лицо, и он на секунду прикрыл глаза, вдыхая этот воздух — острый, чужой, настоящий. Я вспомнил слова деда, который прошёл две войны и всегда говорил: «На войне главное — не геройствовать. Главное — делать своё дело и беречь тех, кто рядом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.